

УДК 911.3

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДА ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

© 2008 г. С. В. Рассказов

Статья описывает основные этапы хозяйственного и политического освоения и заселения Юго-Западной Сибири – историко-географического региона, охватывающего юго-запад Западно-Сибирской равнины. Анализируются ландшафтный и торговый базис дорусских обществ региона, особенности распространения первых поколений русских, экономико-политические сдвиги XVIII и XIX столетий, модернизационные трансформации XX в. и актуальная ситуация в регионе. Наряду с этапами освоения территории рассматриваются фазы циклического развития пространственной организации обществ Юго-Западной Сибири – сменяющих друг друга интеграции и дезинтеграции ее северной и южной частей.

Введение. Историческая география и исторический анализ в географических исследованиях относятся скорее к слабым местам современной отечественной науки. Неумение представителей общественных наук, и в первую очередь историков, оперировать простейшими географическими понятиями, поверхностное знакомство географов-обществоведов с теориями смежных наук, кроме экономики и демографии, отсутствие междисциплинарных мостов, сведение истории места к механическому перечислению ряда событий, слабое внимание к региональному аспекту в исторических работах – все это, безусловно, делает актуальными разработку историко-географической проблематики и региональные историко-географические исследования.

Последняя серия значительных и ярких отечественных работ по исторической географии вышла в конце 1940-х – первой половине 1950-х годов. Эти работы были посвящены в основном генезису капитализма, районообразованию и истории городов в дореволюционной России [6, 7, 12]. Актуальные для географии вопросы изучения индустриализации, массовых миграций, изменения сеток административно-территориального деления (АТД), развития транспортных систем, роста и изменения функций городов в СССР чаще попадают в поле зрения историков и социологов [3, 9, 20, 21] или встречаются в экономико-географических работах в качестве нетривиальных, интересных сюжетов и наблюдений, не становясь, как правило, предметом целостного анализа.

В данной статье избран формат обзорного историко-географического анализа одного из регионов Российской империи, СССР и постсоветского пространства. Это юго-западная часть Западно-Сибирской равнины, включающая среднее

Зауралье, Нижнее Тоболо-Иртышское междуречье, Омское Прииртышье, степи по течению рек Тобола и Ишима: данный регион назван нами для краткости Юго-Западной Сибирью. Исследуемый регион может быть рассмотрен как район коннекционного типа, построенный на полицентрической, сетевой системе связей, определенная целостность и цикличность динамики которых может наблюдаться на протяжении последних пяти столетий. В статье освещаются состав региона и его историко-географическая специфика, подтверждаются анализу основные пространственные структуры региона – его центры и сферы их влияния, пути сообщения, ареалы расселения ключевых групп, экономические и социальные микрорайоны, динамика АТД; факторы возникновения и морфология пространственных структур общества определенного типа и закономерность их динамики. Все эти сюжеты сгруппированы в 12 этапов развития территории, каждый этап примерно соответствует основным сдвигам и новым факторам территориальной организации общества в пределах рассматриваемого региона. Кроме того, в линейный, поэтапный анализ пространственно-исторической динамики вплетены замечания, касающиеся цикличности развития региона, чему больше внимания уделено в заключении.

Этап первый. Естественно-исторический (древнейший период – конец XVI в.). Фаза контактной интеграции. Делать однозначные выводы относительно самых ранних периодов истории региона довольно сложно-археологические находки изолированы, а сами археологи не всегда охотно строят обширные обобщающие схемы. Существование номадических обществ в рассматриваемом регионе можно предполагать, начиная с ранних датировок культур скифского круга, а лесных

племен – с приобско-иртышских культур, трансформировавшихся позднее в самодийские и угорские племена. Те выводы, что можно сделать, исходя из анализа распространения поселений первого тысячелетия до н. э., свидетельствуют о смещении или совместном проживании племен степного и лесного круга в северной лесостепи – подтайге и южной тайге в пределах от Среднего Урала до Иртыша.

Еще к середине второго тысячелетия н.э. базовое соотношение степных и таежных культур не претерпело принципиальных изменений: природные факторы в жизнедеятельности и расселении местных обществ по-прежнему доминировали. В это время (XV–XVI вв.) отмечена интенсивная транзитная торговля, которая контролировалась доминирующими политически кочевыми тюркскими племенами, зависимые и союзные Сибирскому юрту племена в момент похода Ермака (1581–1584 гг.) отмечают вплоть до среднего Приобья. В то же время сам юрт к концу XVI в. – это дальняя периферия культурно-политического мира Чингизидов, испытывающая влияние то западных его центров – Казанского, Крымского и Ногайского юртов (влияние последнего более выражено к концу XVI в.), то восточных (государств западных монголов и восточных тюрков), то Средней Азии (Бухары, Самарканда, Хивы, на которые то и дело опираются Джучиды в борьбе за власть в Сибири). Природная граница между степными и лесными ландшафтами может считаться малосущественной, прозрачной – для ее преодоления с торговыми целями и существует такая полития, как Сибирский юрт. Зато более серьезна природная граница Уральских гор – с ней связаны и сложности физических коммуникаций, и относительная самостоятельность, и воинственность уральских обществ (в том числе племен манси и башкир, пермских и печорских коми).

Итак, в этот период регион представляет собой сравнительно слабо структурированное поле, в пределах которого в соответствии с микро- и мезоландшафтными условиями рассеян ряд этнических групп и небольших поселений. В северной части региона (по среднему течению Иртыша, нижнему течению Тобола и Тавды) преобладают племена с речным и лесным типом землепользования смешанного тюрко-угорского этнического состава; основные пути сообщения пролегают здесь по рекам, к речным и озерным долинам тяготеет основная часть поселений – как угорских, так и центров тюркских улусов. Южная часть региона – места кочевий тюркских племен Сибирского юрта. Реки здесь чаще бывают барьерами, водопоями или ориентирами для передвижений. Два наиболее крупных поселения – Чимги-Тура в нижнем течении Туры и Сибирь на Иртыше неда-

леко от устья Тобола – политические и торговые центры региона, обеспечивающие торговый контакт среднеазиатских государств и ногайских улусов с лесными регионами Среднего и Нижнего Приобья. Границы региона размыты – связи кочевых племен с южными, юго-западными и восточными соседями ограничиваются преимущественно расстояниями, при движении к северу меняется характер транспортных артерий на менее удобный для кочевой культуры. Наиболее существенна западная граница – здесь природные барьеры совпадают с политическими.

Этап второй. Военно-политические сдвиги. (1581 г. – 1620-е гг.). Фаза начальной дезинтеграции региона. Отгороженность Уралом от обширной равнины, сейчас называемой Русской или Восточно-Европейской, по большей части шла на пользу местным государственным образованиям. В XV в. там набирает силу, а в следующем столетии расширяется государственное образование с богатым инструментарием технологий политического присвоения и контроля территории, включающее земли, населенные самыми разными этническими группами. В активный контакт с пермскими коми русские вступают еще в XIV в. (миссия Стефана Пермского), а с середины XVI в. массив земель, принадлежащих московскому государю, уже “нависает” над регионом.

В тот же период происходит одно из редких для мировой истории событий – государство, базирующееся на оседлых земледельческих обществах, находит технологии и способы фрагментации, присоединения и инкорпорации в свою политическую систему кочевых сообществ и территорий [13], чем меняет баланс сил в западной и средней части Великой Степи Евразии. Два мощных юрта – Казанский (Булгарский) и Астраханский в середине XVI в. Завоеваны Москвой, Ногайский – попадает в зависимость от нее; в XVII веке он окончательно ослабевает и рушится в связи с перекочевками калмыков, также признавших зависимость от Москвы [15, 16]. В XVIII в. процесс продолжится присоединением Крыма, инкорпорацией в государственную систему казахских сообществ и взятием под российскую опеку казахских жузов. А пока (конец XVI в.) с набегом небольшого отряда Ермака, опирающегося на такие технологические преимущества, как использование речных коммуникаций (по рекам и волокам Урал перейти проще), огнестрельное оружие и неясного происхождения уверенность, что Сибирский юрт необходимо не просто разграбить, а именно завоевать и взять под управление, признав при этом высокую руку Московского царя, регион вступает в полосу серьезных социально-экономических изменений.

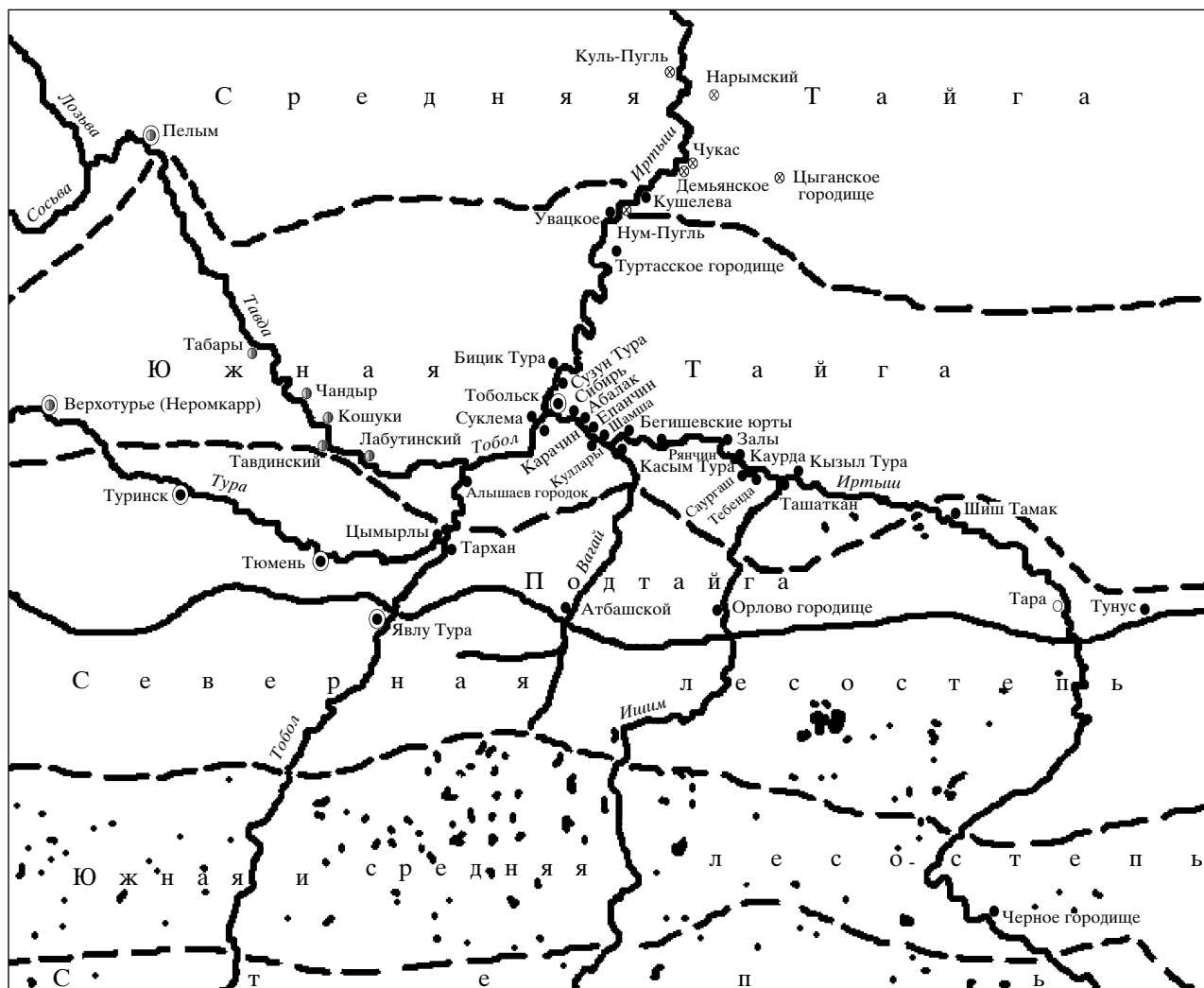

Рис. 1. Юго-Западная Сибирь на рубеже XVI–XVII вв.

Несмотря на ряд инноваций, в этот период прослеживается значительная преемственность с чертами прежней географии общества, характерной для автохтонной Сибири. Нельзя сказать, что все кардинально изменилось за пару десятилетий – граница со степью закрылась, а пути через Урал стали широкими и общедоступными. Во-первых, ни у одной из групп населения региона не было желания терять выгоды торговли со степью – в XVII в. сырье для кожевенных промыслов Тюмени, Tobolska и Tomсka активно доставляется кочующими южнее племенами [10]. Во-вторых, налаженные коммуникации означают и возможность набегов. Кучум напал в последний раз на Ермака уже в южной тайге – в месте впадения реки Вагай в Иртыш. Кучумовичи первую половину XVII в. кочуют в Ишимской степи (до их полной инкорпорации в качестве князей Сибирских в московский политический класс). Земледельческое освоение новых терри-

торий обычно начинается с создания острогов и при них слобод (и только после этого округа обрастает деревнями и заимками); современные археологические раскопки в Tobolske показывают значительность фортификационных укреплений первой половины XVII в. города, находящегося уже в южной тайге. Хотя через Урал и идет поток переселенцев и русских товаров (а пушнины обратном), правительство весьма озабочено сохранением барьеров – таможен и постов, активно регулирует пути проникновения в Сибирь с целью контроля над процессом переселения и обложения торговли пошлинами [4].

В целом можно сказать, что первые поколения русских переселенцев создают в регионе общество, опирающееся на Сибирский юрт как на базис, не уничтожают, а трансформируют его (рис. 1). Инновации значительны, некоторые из них весьма интересны – как, например, распространение регионального топонима Сибирь на

огромную территорию северо-восточной части Евразии, на быстро растущую, создаваемую совместными усилиями охотников за пушниной, торговцев, военно-административных отрядов и первых крестьян новую страну. Seriously возрастает роль речных путей, заселяются и развиваются прилегающие к городам и слободам окрестности, торговля через Урал постепенно становится важнее торговли через подтайгу – северную лесостепь. Но в целом эти изменения постепенны, много и черт преемственности. Первенствующие города Сибири Тюмень и Тобольск возникают как преемники татарских Чимги-Туры и Искера; в северной части бывшего юрта интенсивнее начинают использоваться речные коммуникации, в большей мере их роль возрастает в южной подтайге. Растет поток переселенцев из-за Урала, на новый уровень выходит земледельческое освоение территории, уплотняется городская сеть (возникают в том числе Верхотурье, Туринск, Пелым и Тара), формируются первые русские земледельческие деревни по долинам Туры и ее притоков, нижнему Тоболу и прилегающему к Тобольску течению Иртыша [17]. Однако новые общества слишком подвижны и неустойчивы, перемены обратимы, старые связи еще сильны.

Третий этап. Хозяйственно-демографическая колонизация (1630-е гг. – 1680 г.). Если первые русские колонисты в Сибири представляют собой пионеров, в значительной степени зависимых от своих коренных территорий, откуда присылаются военные подкрепления и припасы (основную роль играет хлеб) и где принимаются основные управленческие решения, то во втором и третьем поколении русских можно уже говорить об обретении ими некоторой самостоятельности и навыков самоуправления. Появляется особая региональная группа русского мира – сибиряки. Необходимость самостоятельного разрешения ряда вопросов на месте остро встает еще в Смутное время, когда поддержка центральной власти ослабевает, и новый порядок в Сибири удерживается исключительно благодаря инициативе местной администрации и автономности связей региона с Пермским краем, вятскими и вычегодскими городами. Уже в 1620-х годах сибирские дела переводятся из Казанского в отдельный Сибирский приказ, основывается собственное церковное управление (архиепископы Тобольские и Сибирские с 1621 г.), а реформы Тобольского воеводы князя Ю.А. Сулешева упорядочивают вопросы хозяйственного и административного порядка в сибирских городах. Важнейшее нововведение Сулешева связано с переводом служилого населения Сибири с хлебного жалования на пашню, что ускорило процесс аграрного освоения Тобольского, Тюменского, Туринского и Верхотурского

уездов и снизило зависимость всей Сибири от поставок хлеба из-за Урала [1]. В итоге к концу периода в указанных уездах формируется главный земледельческий район Сибири, сосредотачивавший 75% ее крестьянских дворов (рис. 2, [17]).

Также следует отметить, что Сибирь первого поколения куда меньше Сибири после 1630 г.: ранняя русская Сибирь ограничивается Енисеем, Кузнецком и Красноярском как окраинными юго-восточными городами. В десятилетие 1631–1642 гг. последовало быстрое распространение русских отрядов по правым притокам Енисея (в том числе по Ангаре), Прибайкалью и Лене, а в 1640-х годах влияние только что учрежденных Московскими властями Якутских воевод распространяется на Алдан, Колыму и Амур [14]. Новые земли, управляемые сначала самостоятельно по инициативе их осваивающих служилых людей, к концу периода постепенно подпадают под влияние складывающейся в первенствующих сибирских городах элиты, которая воспринимает земли бывшего Сибирского юрта как коренную, столичную территорию новой страны, управленцы которой ответственны за изучение, описание и разрешение проблем всей Сибири.

Четвертый этап. Разрыв внутрирегиональных связей (1680-е – 1720-е гг.). На ранних этапах освоение русскими Юго-Западной Сибири следовало в значительной мере уже сложившемуся рисунку культурного ландшафта; при этом в основном сохранялась география старых связей. Тем не менее оно не могло не нарушить баланс отношений лесной и степной его частей. Появление русских в таежной и лесостепной зонах вело ко все более глубокой дезинтеграции региона, обособлению северной и южной его частей. Новый же (четвертый) этап заселения и хозяйственного освоения территории характеризуется нарушением баланса сил в степи, связанного с очередными изменениями кочевий. Проникновение казахских племен за пределы Илийских степей, миграции калмыков, рост могущества и падение Джунгарского ханства – все это, как и любые перемещения степных народов, потребовало принятия защитных мер со стороны русской администрации. Проблемы безопасности сибирских городов и волостей обостряются сначала с активизацией казахских и башкирских набегов в 1660–70-х годах, а затем в связи с усилением с 1680-х годов Джунгарского ханства в западной Монголии. Периферия его влияния затрагивала весь юг Западно-Сибирской равнины; Джунгария вела постоянные войны с казахскими жузами [11]. Для отражения степной угрозы применяются как старые методы (создание засечных линий, контроль за речными барьерами, посадка на линии казачьих общин), так и новые (применения регулярных войск, стро-

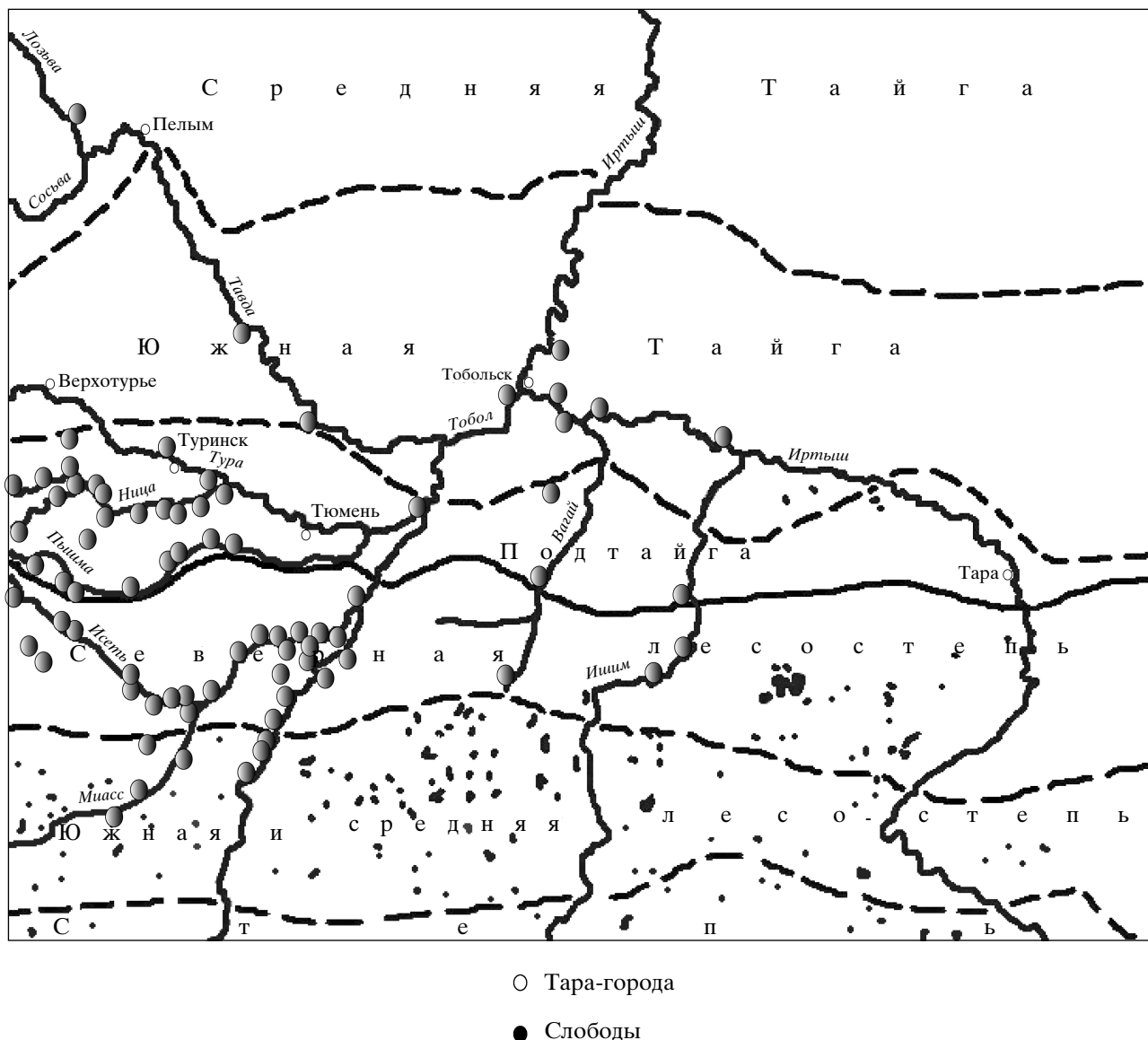

Рис. 2. Тобольский земледельческий район во второй половине XVII вв.

ительство крепостей вместо острогов, формирование централизованной военной администрации). Как следствие этого северная часть региона отгораживается от южной, внутри региона пролегает мощный барьер, связи минимизируются (даже дипломатические сношения с занявшим южносибирскую степь Средним жузом осуществляются чаще через Оренбург).

В этот период происходят глубокие институциональные сдвиги, связанные с Петровскими реформами, затронувшими всю Россию, включая и ее сибирские владения. Сибирская окраина Российской империи должна была быть управляема и исследована на основе централизованной, единообразной, “объективной” и независимой от

местной специфики системы методов. На таких же основаниях должна строиться пирамида бюрократии [21]. Различия между русским и инородческим населением, а также наработанные способы сношений с разными народами продолжают учитываться в управленческой практике. Однако в некотором роде все сибирские общества уравниваются между собой, иерархия отношений начинает разрушаться, ведь с точки зрения бюрократической системы представители всех групп – лишь податное население, не обладающее компетенциями знания и управления. Исследования Обь-Иртышского бассейна под руководством Дмитрия Овцына в составе Великой Северной экспедиции хорошо иллюстрируют характер но-

вых практик: дневники Овцына фиксируют преимущественно факты физической инвентаризации среды – координаты, формы рельефа, очертания берегов, природные явления. Данные факты тривиальные для местного населения, должны быть представлены в особой форме (картографической, описательной) центральным органам Российской империи для принятия ими независимых от жителей территории решений. До получения данных в этой особой форме территория может рассматриваться как пустая в цивилизационном отношении, terra incognita, почему и оказывается необходимым повторное освоение земель, вроде бы более ста лет назад подчиненных России.

Этап пятый. Регионализация Сибири (1730 г. – 1770-е гг.). Фаза окончательной дезинтеграции региона. У процесса формирования засечных линий в Юго-Западной Сибири (Ишимской в 1730–40-х гг. и Пресногорьковской в 1750-х [5]) много самых разнообразных последствий. Это массовые внутренние миграции в середине XVIII столетия в пределах северной части региона из Тобольского, Тюменского и Верхотурского уездов на более плодородные земли лесостепи – в районы Шадринска, слобод Ялуторовской, Коркиной (город Ишим с 1782 г.) и Царево Городище (Курган, с 1782 г.). В итоге к югу сместился демографический центр тяжести региона. Здесь же возникает новый земледельческий ареал. Крепостям засечных линий обязаны своим происхождением такие новые города, как Омск (1716), Петропавловск (1752), Троицк (1743), Челябинск (с 1736 г. – крепость в составе линии, с 1658 г. – острог). Через новые крепости пролегают первые сухопутные дороги регионального и государственного значения, благодаря им меняется и маршрут Сибирского тракта, ранее следовавшего долинам Туры, Тобола и Иртыша. Степи в верховьях Тобола и Ишима в этот период оказываются переориентированными в своих связях на районы северного Прикаспия, Приаралья и Илийский край – земли младшего и старшего казахских жузов. Сношения сибирских городов с жузами осуществляются уже не на местном уровне, а через военную администрацию края или центральное правительство.

В этот период Юго-Западная Сибирь из сибирской столичной метрополии превращается в рядовую провинцию. Правда, инерция административно-территориального деления сохраняет опеку Тобольска над всей Сибирью до 1764 г. [14]. Процесс регионализации Сибири и сопутствующее ему уменьшение влияния рассматриваемого региона в общесибирских делах намечаются еще в 20–30-х годах XVIII в., когда внутри большой Сибирской (Тобольской) губернии выделяются три провинции (Тобольская, Иркутская и Якут-

ская). В 1764 г. из состава Сибирской губернии выделяется Иркутское наместничество, в пределах двух сибирских наместничеств также растут новые центры и районы [18]. В это время происходит быстрое хозяйственное освоение западных окраин региона: между пограничными Троицком и Челябинском и старым таможенным центром Верхотурьем, по Нейве, Нице, Исети и другим рекам верховьев бассейна Тобола возникают многочисленные заводы [8]. Среди основанных поселений нового типа был только один город – Екатеринбург (1723). Схожим образом происходило освоение Пермского края, а в XIX в. Башкирии и Южного Урала [6]. Так начал складываться один из самых известных промышленных районов России, равнозначный по статусу Сибири.

Этап шестой. Изменения административно-территориального деления (1780 г. – 1800-е гг.). В этот период происходит разукрупнение АД в регионе; к концу XVIII в. сложились губернские границы, большей частью просуществовавшие до 1923 г. В 1782 г. Сибирская губерния с центром в Тобольске преобразуется в Тобольское наместничество, разделенное, в свою очередь, на Тобольскую и Томскую области; делению на области подвергается и Иркутское наместничество [18]. В 1804 г. Томск административно вышел из-под опеки Тобольска, став губернским центром. Рассматриваемый регион, продолжая оказывать значительное культурное влияние на всю остальную Сибирь, в экономическом и административном смысле потерял большую часть своих сфер влияния, сохранив в качестве своей дальнейшей периферии лишь Среднее и Нижнее Приобье.

Реформы АД 80-х годов XVIII в. затронули границы Сибири и созданного в 1781–1783 гг. Пермского наместничества. В новом наместничестве (с 1796 – губерния) под управлением специально созданного для этого города Пермь, оказались объединены весь регион Великой Перми (с городами XVI–XVII вв.), Екатеринбургский горный округ и такие сибирские уезды, как Верхотурский, Камышловский, Ирбитский и Шадринский. На тот момент речь шла скорее о попытке улучшить администрирование и внутренние связи в пределах формирующегося Уральского промышленного района [6]. Однако в XIX в., когда Пермскую губернию стали считать среди губерний Европейской России, граница между соседними уездами вдруг оказалась рубежом России и Сибири, Европы и Азии.

Этап седьмой. Освоение степи, развитие Омска как новой столицы региона (1810 г. – 1850-е гг.). Новая интеграция. Следующая фаза цикла “дезинтеграция – новая интеграция” сдвигает баланс политических и экономических сил в регионе в пользу севера: с усилением зависимости ка-

захских жузов от Российской империи и началом формирования системы внешних округов [2] внутренняя граница региона сначала приобретает характер одностороннего барьера, а затем известную прозрачность. Теперь речь идет о военно-политическом и экономическом доминировании русско-сибирских обществ, сложившихся к рубежу XVIII–XIX столетий в северной части Юго-Западной Сибири. Основание форпостов и крепостей на землях Среднего жуза, введение регулярного налогообложения и изменение юрисдикции судов среди кочевых племен – все эти процессы в степи идут с опорой на сложившиеся в “русской”, “сибирской” части региона военные и административные кадры.

На первые позиции постепенно выдвигается Омск – один из важнейших управленческих центров Сибирской линии и Сибирского казачества, главная опора властей Российской империи в деле первичного военного подчинения земель казахских жузов. С особыми надеждами, возлагавшимися на Омск сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанским, связан, очевидно, тот факт, что военно-административный городок с неясными перспективами на границе со степью в 1822 г. превращается в центр Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

Этап восьмой. Сдвиг на юг, переселенческое движение, инверсия пространственной структуры региона (1860 г. – 1917 г.). Конец XIX в. – фаза активной инкорпорации южной части региона в хозяйственную систему Российской империи. Железнодорожное строительство, изъятие земель у казахских родов, земледельческая, переселенческая колонизация, рост городов приводят к очередной инверсии – север региона превращается в хозяйственную периферию, а быстрый демографический и экономический рост лесостепных и степных территорий увеличивает значение Омска – новой юго-восточной столицы Юго-Западной Сибири. Омск растет столь же быстро, сколь быстро осваиваются окружающие его сибирские черноземы. В известном смысле причина окончательного экономического упадка Тобольска к началу XX в. заключается не в абстрактном ухудшении его географического положения, но именно в росте и экономическом развитии его конкурента – Омска.

Колонизационное движение подстегивается железнодорожным строительством. С 1885 г. переселенцы пользовались стыком железной дороги и пароходного речного движения в Тюмени. К 1894 г. был построен участок Транссибирской магистрали, прошедший через Челябинск, Курган, Петропавловск и Омск. В 1912 г. железная дорога соединила Тюмень и Омск через Ишим. Новые транспортные магистрали не только об-

легчили приток новых колонистов, оседавших в основном на севере Акмолинской области (Петропавловский и Кокчетавский уезды) и на юге Тобольской губернии, но и подстегнули развитие промышленности благодаря облегчению импорта технологий и расширению рынков сбыта сельскохозяйственной продукции.

Но, говоря о циклическом развитии региона – сменяющих друг друга волнах распада на северную и южную части и их последующего объединения, не следует забывать, что всякая интеграция таит в себе новую дифференциацию – создание новых внутрирегиональных барьеров. Как таковые могут рассматриваться границы Акмолинской области и созданного в это время Степного генерал-губернаторства; территория нового аграрного освоения начинает восприниматься как отдельная от “старой Сибири”, охваченной теми же процессами крестьянского переселения и формирования городской промышленности.

Этап девятый. Кризисные и индустриальные трансформации (1918 г. – 1928 г.). Фаза начальной вторичной дезинтеграции. Связность и административно-экономическое единство региона в этот период очень хорошо иллюстрируется событиями и ходом военных операций Гражданской войны. Смена власти в 1918–1919 гг. в ключевых региональных центрах – крупных железнодорожных узлах (Екатеринбурге, Тюмени и Омске) быстро приводит к перемене положения в периферийных районах, крестьянское восстание 1920–1921 гг., охватив удаленные аграрные уезды как юга, так и севера региона, угрожает новой власти в больших городах и безопасности Транс-сиба. Красные дивизии в 1919 г. в ходе военных операций проследовали по всем важнейшим транспортным артериям региона, взяв под контроль все минимально значимые центры Юго-Западной Сибири. Однако логика социального проектирования следующих лет сильнее: в 1920–1930-е годы регион делят между Российской Федерацией (ленинский проект) и Казахской ССР (идея Сталина, этно-экономический проект). Во всех сетках АТД “раннесоветской” эпохи просматривается приоритет новой экономики с опорой на социалистическую промышленность. Примерами могут служить большие края со сложившимися или развивающимися промышленными районами в качестве ядер (Уральская область, 1924–1934, Сибирский край, 1925–1930, Западно-Сибирский край, 1930–1937). Но одновременно конфигурация сеток АТД этого времени отражает и некое подспудное желание новых властей отдать показавшие себя неблагонадежными в Гражданскую войну Тобольск, Омск, Кокчетав и Петропавловск с сельскими переселенческими районами под опеку новых пролетарских инду-

стриальных столиц (Свердловска, Алма-Аты и Новосибирска).

Начиная с этого периода, постепенно разрушается территориально-структурная двухчастность региона, еще поддерживавшаяся в административно-политическом отношении (политически рассматриваемый регион и сейчас поделен надвое между РФ и Казахстаном, но сферы влияния Омска и Екатеринбурга делят его еще на две части – западную и восточную). Факторов дезинтеграции было несколько. В основном это значительный рост людности некоторых городов Юго-Западной Сибири, повысивших в годы Великой Отечественной войны и за послевоенные десятилетия свой ранг и превратившихся к 1960–1970-м гг. в центры более высокого порядка – города-миллионеры. Мероприятия 1920–1930-х годов по оформлению сфер влияния новых региональных столиц – это скорее попытки, границы “на вырост”, для целей будущего развития. Например, административное подчинение Свердловску территорий нынешних Пермской, Челябинской и Тюменской областей, а также тогдашнего Тобольского севера (Нижнее и Среднее Приобье) не столько закрепляло уже сложившиеся политические, культурные и экономические связи, сколько создавало предпосылки для формирования желательных, новых связей. Не очень удачная попытка переподчинения Тюменского, Тобольского, Ишимского и северных национальных округов Омску, предпринятая в 1936–1944 гг., очевидно, отражала в том числе и уменьшение влияния Омска в Северном Казахстане. В дальнейшем, вследствие концентрации значительных ресурсов, населения, инфраструктуры и производственных мощностей в Свердловске, Челябинске и Омске регион, так или иначе, оказался разделенным между зонами влияния этих городов. Тюмень, а с ней и все Среднее Приобье тяготеют экономически к Свердловску, Курган – к Челябинску, Ишим – к Омску.

Этап десятый. Разукрупнение хозяйственно-политических субъектов (1929 г. – 1950-е гг.). Данный период отмечен спадом волны социально-политического проектирования: к середине 1930-х годов упраздняются Уральская область и Западно-Сибирский край – крупные единицы АТД с широкими экономическими полномочиями, в границах которых отражались сферы социально-экономического влияния крупных городов. В новом начертании уральских областей можно усмотреть попытки вновь административно разделить Сибирь и Урал. В 1944 г. фактически была восстановлена основная конфигурация дореволюционной Тобольской губернии, с передачей ряда окраинных районов соседям, а столичных функций – Тюмени, основному конкуренту

Тобольска во второй половине XIX в. Необходимо отметить особый характер советского АТД новой формации и практик управления на местах, закрепленных новой сталинской бюрократией. После волны разукрупнения АТД постепенно возобладала ставка областных властей на локальную автаркию и обеспечение невмешательства во внутренние дела со стороны соседей. Дезинтеграция региона на ряд самодостаточных и имеющих особые отношения с центром областных ячеек достигла апогея в 1970–1980-х гг. и в итоге вылилась в местный вариант позднесоветской – постсоветской регионализации [8]. Результатом всех этих трансформаций стала, в общем-то, вполне естественная дифференциация Юго-Западной Сибири на областные ячейки.

Особое внимание в этот период все также уделяется индустриальному Уралу, где разворачивается крупное промышленное строительство с созданием соответствующей инфраструктуры. Процесс усиливается с эвакуацией промышленности из западных районов СССР в годы второй мировой войны. Главным образом за счет эвакуации промышленных предприятий быстрый экономический подъем пережил Курган, до конца 1930-х годов бывший классическим центральным местом обширной аграрной округи, практически полным аналогом Ишима. Положение на основной ветке Транссиба и близость к Челябинску сыграли свою роль в выборе города местом для размещения ряда предприятий. В итоге Курган выделился в качестве местной областной столицы, население города с 1939 по 1959 г. утроилось. Аграрные районы Тюменского, Ишимского и Тарского округов в этот период теряют былой престиж. Южная и северная окраины региона охвачены этно-государственным строительством: области Северного Казахстана – в силу своего административного подчинения, а на северные ресурсы и кадры утратившего влияние на южные районы Тобольска используются для становления автономий Приобья – Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) и Ямало-Ненецкого национальных округов.

Этап одиннадцатый. Новые проекты освоения территорий – Целинный край и нефтегазовое Приобье (1950-е гг. – 1985 г.). В 1960-х годах в Северном Казахстане быстро растет новая региональная столица, центр нового социально-экономического проекта и конкурент Омска – Целиноград. Неясность со сферой влияния Омска, отделенного от своего традиционного хинтерланда, по-видимому, должна была быть решена с созданием в северных областях казахской автономии надобластного агропромышленного района. Сам Омск получил значительные инвестиции в развитие городской промышленности общесоюз-

ного значения, что не в последнюю очередь сказалось на современной поляризации экономического ландшафта Омской области. Процесс развода сфер влияния, однако, не закончился – эпопея освоения целинных земель довольно быстро завершилась, и потенциальная столица Целинного края получила лишь минимальное превосходство над соседними областными центрами. Вся же экономическая система Северного Казахстана в целом сохранила свое тяготение к Омску.

Сдвиги происходят и в российской части региона. Для освоения нефтегазовых ресурсов Приобья в качестве базового региона выбираются южные районы Тюменской области. На транзитных людских и финансовых потоках быстро развивается молодая областная столица Тюмень, бывшая в этот период реальной столицей Среднего Приобья. На фоне окружающих ее аграрных районов она начинает выделяться совершенно иной структурой экономики и социума, другими масштабами и направлением социальных процессов.

Этап двенадцатый. Регионализация, современные барьеры и связи. Вторая фаза дезинтеграционного цикла (1985 г. – 2000-е гг.). Выше нами постулировался тезис о постепенном разрушении прежней пространственной структуры региона; на смену двухчастной структуре с циклической динамикой “распад-интеграция”, во многом восходящей к доиндустриальным факторам территориальной организации общества, пришло более сложное и менее однозначное субрегиональное деление. Тем не менее сохранились некоторые характерные черты прежнего цикла – в условиях, когда административная граница РСФСР и Казахской ССР стала государственной. Экономический “развод” республик был постепенным: еще в 1990-х годах старые торговые связи Тюменской, Омской и Курганской областей с областями Северного Казахстана активно поддерживались – с российской стороны основной интерес проявлялся к дешевой сельскохозяйственной продукции более теплых и плодородных районов. Серьезных причин разрушения российско-казахстанских связей было как минимум две – кризис 1998 г. (когда вдруг резко подешевела продукция российских предприятий и пошлинной защиты потребовали сельхозпредприятия Северо-Казахстанской области) и наркотрафик (Казахстан и Юго-Западная Сибирь – зона транзита наркотиков из Средней Азии и Афганистана в Среднее Приобье – один из крупных рынков их сбыта).

В условиях новой фазы дифференциации (вслед за аналогичной дезинтеграцией XVII–XVIII вв.) начинаются автономные процессы в каждой части региона. В Северном Казахстане особенно большое значение имеет приток новых

мигрантов в города из южных сельских районов страны. К северу же от российско-казахстанской границы отчетливо проявляется новая поляризация социально-экономического развития, даже городского. Правда, пока можно говорить только о бурном развитии Тюмени и внерегиональной столицы – Екатеринбург (Курган и особенно Омск пребывают в упадке, последний во многом ввиду утраты старых связей). Объединяющий две части региона процесс – вторая волна эмиграции русских из Северного Казахстана, более слабая и медленная, чем первая постсоветская (в 1991–1995 гг.). Она связана с разницей социального обеспечения и статуса по разные стороны государственной границы и возвратными миграциями (возвращается в основном старшее поколение – люди, ехавшие на Целину с Урала и Сибири, у которых еще сохранились личные связи в местах выхода, за ними следуют дети и иногда внуки). Можно также говорить и об общих трендах перераспределения потенциалов и зон влияния городов региона. На смену аутсайдеру в списке российских городов-миллионеров Омску (характерно, что его сосед по этому списку Волгоград также потерял часть прежних связей за казахстанской границей) в качестве центра южной части региона, очевидно, идет новая столица Казахстана – Астана. Провалившаяся, как еще недавно казалось, программа развития целинной столицы была поддержана властями уже суверенного государства – к настоящему времени население Астаны выросло до 520 тыс. жителей (что примерно соответствует численности населения Тюмени при похожих источниках финансирования развития). Поставленные планы для столицы Казахстана “взять планку” в миллион жителей, очевидно, будут реализованы в ближайшие 15–20 лет.

Заключение: общая историко-географическая структура региона и циклы его пространственной интеграции–дезинтеграции. Идея выделения региона Юго-Западной Сибири тесно связана с его внутренней неоднородностью – неоднородностью, порождающей связи, отношения и динамику, анализ которых создает широкий контекст для понимания пространственно-исторической логики развития мест и районов, составляющих выделенный регион. В первом приближении можно говорить о двухчастности Юго-Западной Сибири и о том, что меняющимися пропорциями, связями и ролями этих частей определяется в значительной степени ход истории и динамика пространственных структур рассматриваемого региона. Учитывая известную условность любых широких обобщений, стоит заметить, что двухчастность Юго-Западной Сибири всякий раз обеспечивалась разными факторами и процессами, преемственность которых порой

можно поставить под сомнение. В целом же пространственная двухчастность объясняется в данном случае как природными, так и историческими факторами (“молодость” региона), природные факторы определяли общественную жизнь на еще не очень давних этапах развития Юго-Западной Сибири и продолжают оказывать на него большое влияние ввиду консервативности пространственных и общественных структур. Речь идет о широко понимаемых лесах (тайге в нашем случае) и степи как метафорах зависимости укладов человеческих обществ от климатических и ландшафтных условий и об идее выделения Юго-Западной Сибири как обширного пограничного региона, контактной зоны на стыке северных частей степного мира и южных – таежного.

Анализ этапов развития пространственных структур экономики и общества Юго-Западной Сибири позволил выделить ряд циклов внутренней интеграции и дезинтеграции региона. Древнейший исторический этап заселения исследуемой территории может считаться первой интеграционной фазой – вся жизнедеятельность местных обществ построена на взаимодействии двух частей региона, при доминировании юга и прозрачности природной границы между югом и севером. С приходом русских можно говорить о постепенной дезинтеграции, начальная фаза которой связана с первым поколением русских сибиряков и изменением характера уральской западной и южной степной границ, а финальная – с распадом региона на две слабо связанные части к середине XVIII столетия. Следующий цикл начинается с русским проникновением на территории Среднего Жужа и устройством системы внешних округов в первой четверти XIX в., когда прежняя граница превращается в односторонний барьер – мембрану. На середину и конец XIX в. приходится фаза новой интеграции региона, сначала под эгидой северной части, но с постепенным сдвигом основной экономической активности к югу. Предпосылки новой дезинтеграции формируются под влиянием административно-территориальных изменений, осуществленных властями поздней Российской империи и раннего Советского Союза. В итоге постепенный административно-экономический развод российской (северной) и казахстанской (южной) частей Юго-Западной Сибири вылился в укрепление барьерных функций межгосударственной границы на современном этапе. Исходя из логики выделенных циклов, можно прогнозировать смену этой тенденции на обратную. Однако в каких формах и когда произойдет эта смена, пока не очевидно. Разрыв связей между российской и казахстанской частями региона еще сравнительно невелик, в связи с чем исследо-

вание форм и тенденций современной дезинтеграции сохраняет большую актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балюк Н.А.* Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – нач. XVIII в.: Сборник архивных источников. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. 184 с.
2. *Безвиконная Е.* Геополитическое пространство Степного края: Омская область и проблемы границы в государственном строительстве Российской империи (20–30-е гг. XIX в.) // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 371–393.
3. *Вишневецкий А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с. (<http://demoscope.ru/weekly/knigi/s&r/vishnevskiy.html>).
4. *Вилков О.Н.* Тобольск – центр таможенной службы Сибири XVII в. // *Города Сибири*. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1974. С. 131–169.
5. *Горбань Н.В.* Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // *Вопросы географии*. Вып. 31. История географических знаний и историческая география. М.: Географгиз, 1953. С. 206–227.
6. *Иофа Л.Е.* Города Урала. М.: Географгиз, 1951. 422 с.
7. *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии (XVII – пер. пол. XIX вв.). М.: Географгиз, 1949. 220 с.
8. *Копылов Д.И.* Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Свердловск: Изд-во СГПИ, 1973. 264 с.
9. *Кордонский С.Г.* Ресурсное государство. М.: Regnum, 2007. 108 с.
10. *Курилов В.Н.* Участие служилых людей в становлении Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // *Города Сибири*. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1974. С. 76–86.
11. *Моисеев В.* Джунгаро-казахские отношения в XVII – XVIII вв. и политика России // *Вестн. Евразии*. 2000. № 2. С. 22–43.
12. *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири: историко-географические очерки. Иркутск: Иркутское гос. изд-во, 1951. 207 с.
13. *Похлебкин В.В.* Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами, 1238–1598 гг. М.: Международные отношения, 2000. 189 с.
14. *Словцов П.А.* История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 508 с.
15. *Трепавлов В.* Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе) // *Вестник Евразии*. 1998. № 1–2. С. 101–114.
16. *Трепавлов В.* Алтыулы: остатки Ногайской Орды в казахских степях // *Вестн. Евразии*. 2001. № 2. С. 33–53.
17. *Шунков В.И.* Географическое размещение сибирского земледелия в XVII в. // *Вопросы географии*. Вып. 20. Историческая география. М.: Географгиз, 1950. С. 203–238.
18. <http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=294> [Административно-территориальное деление России XVIII–XIX вв. // Официальный сайт журнала “Оте-

- чественные записки”. (Отечественные записки. 2002. № 6)].
19. <http://www.russ.ru/antolog/inoe/kagan.htm> (Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция и де-струкция // Иное: хрестоматия нового российского самосознания // Русский журн. 1995).
20. <http://www.inme.ru/previous/brez.htm> (Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // Официальный сайт института национальной модели экономики).
21. <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/etkind.html> [Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Русский журн., журнальный зал (Новое литературное обозрение. 2001. № 49).

Historical-Geographical Features of Settlements and Economic Mastering of the South of Western Siberia

S. V. Rasskazov

Institute of Geography, RAS

The paper is concerned with settlements, development, civilization and creation of South of Western Siberia – the region of Siberian people ancient dispersion, core land for the Russian Siberia, and nowadays old province with rich heritage for research in historical geography. Author defines 12 stages of region’s spatial history among others “natural factors of human dispersion prevailing”, “first Russian settling”, “metropolitan land for Russian Siberia”, “military disintegration of the region”, “re-integration of Step lands”, “agriculture and industrial development”, “soviet modernization” and “post soviet transformation”.